

© 2008 г.

П.Ю. РАХШИР

АМЕРИКАНСКИЕ НЕОКОНСЕРВАТОРЫ И ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ

Когда речь идет об имперских тенденциях во внешнеполитической стратегии США, то неизбежно всплывает понятие "неоконсерватизм" с соответствующим ему прилагательным. И для этого есть самые серьезные основания. Бесспорно, неоконсерваторы являются самыми активными и последовательными поборниками имперской политики. Поэтому к ним повышенное внимание публицистов и ученых, посвятивших множество книг и статей разбору их трудов. Причем в этих работах истолкования, опирающиеся на известную теорию заговора, нередко берут верх над исследовательским подходом.

В немалой мере это объясняется тем, что некоторые из основателей этого течения начинали свою общественную жизнь на левом и даже крайне левом фланге партийно-политического спектра. Этого им, видимо, не могут простить ни левые, видящие в них отступников, ни правые, которые полагают, что левое или ультралевое прошлое оставило неизгладимый след на неоконсервативной версии консерватизма. Неоконсерваторов пытаются отлучить от консерватизма традиционалисты, а особенно рьяно так называемые "палеоконсерваторы", которых еще называют по имени их лидера П. Бьюкенена "бьюкенитами"¹. В этой связи можно назвать книги самого Бьюкенена и публикации из редактируемого им журнала "Американский консерватор", насыщенные фантазмагорическими концепциями, авторы которых трактуют неоконсерваторов как неоякобинцев или неотроцкистов.

Тот факт, что идеологические и политические установки неоконсерваторов в немалой мере совпадают с риторикой и политической практикой президента США Дж. Буша-младшего, а некоторые из неоконсерваторов в той или иной степени сопричастны или участвовали в разработке стратегии Белого дома, то 43-й президент США тоже оказывается сторонником неоконсерватизма. Правда, порой он предстает в качестве жертвы, по простоте своей попавшей под влияние коварных "неоконсерваторов".

Сюда рискуют попасть все те, кто выступает за решительную борьбу против терроризма, за смену режимов в "странах-изгоях", за распространение западной демократии в иных цивилизационных ареалах. В результате границы неоконсерватизма чрезмерно расширяются, что затрудняет анализ этого явления и всего, что с ним связано.

В отечественной историографии неоконсерватизм обычно рассматривается в общем русле американской имперской проблематики. В них имперская роль США, их

Рахимир Павел Юхимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Пермского государственного университета.

Статья подготовлена при финансовой поддержке программы "Университеты России". У.Р.10.01.242.

¹ *Рахимир П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007.

политическая и экономическая стратегия, как правило, анализируются в широком контексте процесса глобализации².

* * *

Изначально понятие "неоконсерватизм" было генетически связано с группой американских интеллектуалов, перешедших в 70-х годах прошлого века с либеральных позиций на консервативные. Но вскоре под впечатлением начавшейся в конце 70-х годов "консервативной волны" неоконсерваторами стали именовать представителей практически всего консервативного спектра: от либеральных консерваторов-реформистов до экстремистско-консервативных и откровенно праворадикальных групп. Весь консервативный спектр переживал тогда трансформацию, обусловленную этой волной. Поэтому префикс "нео" лишь фиксировал процесс фронтального обновления консерватизма на рубеже 70–80-х годов по сравнению с предшествующими этапами его эволюции.

С течением времени у европейских консерваторов префикс "нео" отпал, а в США он сохранился только за теми, от кого исходил первоначальный импульс "консервативной волны". Эта сравнительно немногочисленная группа интеллектуалов от политики и политической науки, своего рода неформальное интеллектуально-политическое сообщество, в течение трех десятилетий играет немаловажную роль в жизни США, оказывая влияние на политическую стратегию республиканской партии, особенно в период правления президента Дж. Буша-младшего.

Истоки становления этого сообщества уходят в 30-е годы XX в. и у него есть довольно точный адрес: Городской колледж Нью-Йорка, помещение №1, где собирались студенты-троцкисты, выходы преимущественно из бедных еврейских семей. Там возник настоящий дискуссионный клуб, где оттачивалось полемическое мастерство, завязывались дружеские отношения порой на всю жизнь. Именно там заявили о себе такие будущие звезды неоконсерватизма, как И. Кристол, Д. Белл, М.С. Липсет, Н. Глейзер и др.

Основной их полемический запал тогда был направлен против сталинизма. На первых порах их идеи вращались главным образом в рамках марксистского дискурса. Да и трудно было ожидать другого от юношей из иммигрантских семейств, которые чувствовали себя отчужденными как в силу бедности, так и этнической принадлежности. Правда, уже "новый курс" Ф.Д. Рузвельта открыл перед ними определенные перспективы. Не случайно они считали себя "детьми нового курса", а пиетет по отношению к Рузвельту сохранился у них на всю последующую жизнь.

После войны, особенно в 50-е годы, они смогли использовать новые возможности для применения своих сил и способностей в науке, публицистике, политике. Их антисталинизм органично перешел в антикоммунизм. Такой переход предопределил их позицию в период "холодной войны". Разочарование в троцкизме толкнуло их в либеральный лагерь. Это, как известно, было первое, но не последнее их разочарование.

Когда заходит речь о неоконсерватизме, то сразу же возникает имя И. Кристола. Он вполне мог бы заявить: "Неоконсерватизм – это я", несмотря на то, что среди его коллег были незаурядные самодостаточные интеллектуалы. Хотя термин ввел в обиход не он, а противник консерватизма и капитализма американский социалист М. Хар-

---

² *Иноземцев В.Л.* США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники? – США–Канада: экономика, политика, культура, 2002, №9, 10; *его же.* Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации. – Космополис, 2003–2004, № 4(6); *его же.* Постамериканский мир: мечта дилетантов и непростая реальность. – Мировая экономика и международные отношения, 2008, № 3; *Уткин А.И.* Американская империя. М., 2003; *Мальков В.Л.* Путь к имперству. Америка в первой половине XX в. М., 2004; *Печатнов В.О.* США: путь к имперству. – Новая и новейшая история, 2004, № 2; *Крашенинникова В.* Блеск и нищета неоконсерватизма. – Россия в глобальной политике, сентябрь–октябрь 2005; От миропорядка империй к имперскому миропорядку. М., 2005; *Самуйлов С.М.* Неоконсерваторы и внешняя политика Вашингтона. – США–Канада: экономика, политика, культура, 2006, № 6.

рингтон, Кристола, можно сказать, "приватизировал" этот "бренд". Нельзя не отметить, что в отличие от своих коллег по сообществу он принял его безоговорочно. Он же определил неоконсерватора как "разочарованного действительностью либерала". Точнее было бы назвать неоконсерваторов первого призыва дважды разочарованными: первый раз в троцкизме, второй – в либерализме. Этому поспособствовал курс президента Л. Джонсона. «Мы рассматривали себя, – говорил Кристола о себе и других будущих неоконсерваторах, – как либералов-диссидентов, потому что мы скептически относились ко многим инициативам Л. Джонсона в связи с его проектом "Великое общество" и все больше разуверялись в либеральной метафизике, во взглядах на природу человека и социально-экономические реальности, на которых базировался этот проект»³. В сторону консерватизма подтолкнули этих либералов и студенческие выступления 60-х годов, прокатившиеся во многих странах Запада.

Неоконсерватизм, прежде всего идеологическое явление. Неоконсервативными публицистами и учеными (чаще всего в одном и том же лице) написано множество книг, статей, эссе и других материалов, которые позволяют проследить генезис и эволюцию неоконсерватизма. Но особенно выразительно они предстают в творчестве "отца-основателя" (его чаще не без иронии называют "крестным отцом") неоконсерватизма – И. Кристола. Будущие неоконсерваторы группировались вокруг известных периодических изданий США.

Наряду со своим журналом "Паблик интрест", который Кристола начал издавать вместе с Д. Беллом в 1965 г., он обрел эффектную трибуну в газете "Уолл-стрит джорнэл", где долгое время вел регулярную колонку. В начале 1970-х годов сборным пунктом для интеллектуального сообщества разочарованных либералов стал Американский институт предпринимательства. Как раз в это время их начали именовать неоконсерваторами. 70-е годы явились для них временем идейного и политико-философского самоутверждения. И в этом деле главную роль, бесспорно, сыграл Кристола, который не только безоговорочно принял пришедший с противоположной стороны бренд, но и активно стал наполнять его содержанием, подводя под него политико-философскую базу.

Ее он искал в исконно американских традициях. Префикс "нео" ни в коей мере не означал разрыва с ними. Более того, новизна формирующегося течения консервативной мысли призвана актуализировать изрядно потускневшие традиции, очистить их от вековой пыли и неверных, на взгляд Кристола, истолкований. Современная интерпретация традиционного наследия должна была послужить опорой в борьбе против натиска слева в политике и в культуре.

Неоконсерваторы полагают, что их вариант консерватизма следует считать самым "американским". Дети иммигрантов из Восточной Европы родились и выросли в Америке. В той или иной мере им удалось реализовать "американскую мечту". Благодаря своим собственным усилиям они смогли пробиться в истеблишмент в качестве публицистов, ученых, экспертов. Как в таких случаях нередко бывает, они стали большими американцами, чем сами американцы, самыми решительными поборниками американских национальных интересов, как они их понимают. Ряды неоконсерваторов расширились, их сообщество утратило этнический характер, хотя еврейский компонент оставался довольно весомым.

"Американскость" неоконсерватизма проявилась и в том, что его генезис и последующая эволюция проходили в конфронтации с историческим опытом и политической реальностью Западной Европы.

Безусловно, США и Западная Европа принадлежат к одному и тому же цивилизационному ареалу, но уже в американской генетике были заложены серьезные различия, обусловленные, прежде всего, двумя существенно отличавшимся друг от друга типами Просвещения: французским и англо-шотландским. Это были, по словам Кристола, два

³ *Kristol I. Neoconservatism. The Autobiography of an Idea. New York, 1995, p. X.*

варианта ответа "на исторический опыт Европы в предшествующие века"⁴. Отсюда и разные варианты революции – французский и американский, а также разные традиции.

В процессе реконструкции взглядов А. Смита и отцов-основателей США один из основоположников неоконсерватизма фактически конструировал собственную версию консерватизма, во всяком случае, стремился увязать ее с корневой системой американских и британских, т.е. англо-саксонских, традиций. По сути дела, речь шла о легитимизации неоконсерватизма в качестве законной и органичной ветви американского консерватизма как такового.

* * *

Этот лейтмотив особенно громко зазвучал в XXI столетии, когда неоконсерватизм обрел историю, облик и субстанцию. Ажиотаж, возникший вокруг неоконсерватизма после 11 сентября 2001 г., усугубился с началом иракской войны и побудил Кристола выступить на страницах журнала "Уикли стандарт", издаваемого его сыном Уильямом, со своего рода декларацией о сути и принципах этой разновидности американского консерватизма. Он настоятельно подчеркивал сугубую "американскость" неоконсерватизма, характеризовал его как первый вариант американского консерватизма прошлого века, который является "исконно американским"⁵. Это консерватизм преисполненный надежды, а не мрачный; устремленный вперед, а не ностальгический; радостный по своей тональности, а не угрюмый и подавленный. Его главные герои – Т. Рузвельт, Р. Рейган и Ф.Д. Рузвельт. Неоконсерваторы в сегодняшней Америке чувствуют себя дома в большей степени, нежели традиционалисты.

Свою миссию неоконсерваторы, по словам Кристола-старшего, видели в том, чтобы обратить республиканскую партию и американский консерватизм вообще в новый вид консервативной политики, которая соответствовала бы задачам управления современной демократией. Особого внимания заслуживает его суждение о том, что эта новая консервативная политика вне всякого сомнения является специфически американской. В Европе, полагает он, ничего подобного неоконсерватизму нет, и большинство европейских консерваторов настроено в высшей степени критически к своему наследию. Вообще, продолжает он свою мысль, тот факт, что консерватизм в Соединенных Штатах намного здоровее европейского, значительно эффективнее его, определенно связан с существованием неоконсерватизма. Патриотизм, настаивают неоконсерваторы, является естественным и здоровым чувством и должен быть поощряем частными и общественными институтами. Особенно потому, что мы нация иммигрантов, это мощное американское чувство.

Большое значение духовный лидер неоконсерваторов придает "национальному интересу". Он подчеркивает, что это не географический термин, хотя включает в себя прозаические проблемы торговли и окружающей среды. "Маленькая нация, – разъясняет свой подход Кристол, – может чувствовать, что ее национальный интерес начинается и кончается на ее границах, так что ее внешняя политика почти всегда носит оборонительный характер"⁶. Иное дело большая нация с широким кругом интересов и тем самым ответственности. Такой подход в свое время явился важным фактором в процессе перехода бывших либералов к консерваторам и формирования у них имперской идеологии.

В вышедшей еще в 1967 г. статье "Американские интеллектуалы и внешняя политика" – своего рода внешнеполитический манифест, от которого тянутся нити связи к современности, – Кристол сформулировал основные элементы неоконсервативного подхода к имперской проблематике. "Трансформация американской республики в имперскую державу, – отмечал он, – резко обострила отношения между интеллектуала-

⁴ Ibid., p. 262.

⁵ Kristol I. The Neoconservative Persuasion. – The Weekly Standard, 2003, 25 August, v. 008, issue 47.

⁶ Ibid., p. 82.

ми и творцами внешней политики". Самого Кристола это не тревожило: «Термин "имперская держава" – просто синоним понятия "великая держава"»⁷. Причем статус великой державы не определяется чисто количественным критерием. Как подчеркивал Кристол, люди часто ошибаются, когда думают, "что великая держава – это только увеличенная в разы малая, и что принципы правления – возможно с некоторыми модификациями – просто переносятся с последней на первую"⁸.

На самом же деле между ними существует качественное различие: великая держава является "имперской". А это означает, что она не имеет такой свободы действий как малая, поскольку несет на себе груз ответственности; "ее политические деятели обречены на напряженную и беспокойную жизнь без перспективы на окончательное решение, без надежды на беспроblemное существование, не рассчитывая получить в конце концов удовлетворение"⁹.

В доказательство Кристол ссылается на классических философов и авторов утопий, сходящихся на том, что для истинного счастья человеческие сообщества должны быть относительно небольшими и быть, насколько это возможно, изолированными от внешних связей. И дело не только в том, что «этот утопический идеал – большая историческая тема американской внешней политики, корень того, что мы называем "изоляционизмом"»¹⁰. Эта тема была утопической до тех пор, пока Соединенные Штаты не превратились в великую державу; до начала XX в. Америка была подлинно изоляционистской страной как в практическом смысле, так и по духу.

Однако изоляционизм в США, считает Кристол, сочетался с экспансионизмом. Американцы продвигали границу, расширяли территорию страны на условиях равноправия, а не господства. «Идею "предопределения судьбы", – писал Кристол, – легко было примирить с изоляционистской идеей»¹¹. Изоляционизм пустил в США глубокие корни, потому что он органично вписывался в американский образ жизни, отдающий предпочтение частным индивидуальным потребностям и заботам: "Он глубоко патриотичен, но испытывает аллергию ко всем концепциям национального величия"¹².

Короткий рывок в "стиле европейского империализма" при У. Маккинли и Т. Рузвельте быстро угас. Опыт оказался не слишком привлекательным. Вильсоновский "крестовый поход", считает Кристол, вообще был направлен на то, чтобы избавить мир от империалистической политики. Его провал усугубил изоляционистские тенденции в США. К началу Второй мировой войны в стране преобладало стремление отсидеться в "крепости Америка", не ввязываясь в борьбу. Лишь небольшая, но весьма влиятельная, группа интернационалистов выступала за то, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за поддержание "мирового порядка". Все изменил Перл Харбор, когда возникла непосредственная угроза США.

Пусть сравнительно давняя статья Кристола посвящена главным образом отношению интеллигенции к имперской роли Америки, но она далеко выходит за пределы этой темы. Причем суждения автора звучат удивительно современно: "Имперским державам, если они хотят действовать в мире эффективно, нужна социальная стабильность у себя дома"¹³. Есть основания полагать, развивает свою мысль Кристол, что в послевоенные годы "Соединенные Штаты и в самом деле достигли такого рода стабильности, что консенсус и социальная стабильность в обществе позволили нашим государственным деятелям формулировать и проводить последовательную внешнюю политику"¹⁴.

---

⁷ Ibid., p. 83.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., p. 84.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid., p. 85.

¹³ Ibid., p. 90.

¹⁴ Ibidem.

Эта проблема, занимавшая Кристола в ранние годы, в наши дни обрела гораздо более острый характер. По сути своей неоконсерватизм нацелен на поддержание национального консенсуса, необходимого для проведения имперской политики. Но весьма прозрачна и обратная связь: имперская политика – предпосылка консенсуса. Между тем в США относительно немногие интеллектуалы готовы помочь тем, кто творит политику. Интеллектуальное сообщество в большинстве своем недовольно истеблишментом, его политическим курсом и потому не чувствует ответственности за имперскую политику. Однако интеллектуалам, полагает Кристол, следовало бы иметь в виду непреложный факт: что бы ни произошло во Вьетнаме или где-нибудь еще, США не перестанут быть имперской державой. "Мировая ситуация и история, ее создающая, – утверждает Кристол, – вот что делает державу имперской, а не чье-то решение или даже не чьи-то непомерные амбиции"¹⁵. Это возлагает на тех, кто "делает" политику имперских держав, "ужасное бремя ответственности". Не желающие считаться с этим интеллектуалы создают напряженную ситуацию, конца которой не видно. Не так уж трудно увидеть в этой, можно сказать, "программной" статье Кристола своего рода заявку на участие в обосновании и поддержке имперской политики, для которой, по его мнению, у США просто нет альтернативы.

С середины 1970-х годов обострились противоречия между США и Западной Европой по проблемам внешнеполитической и военной стратегии. Во времена президентства Дж. Картера, когда ослабление США на международной арене ощущалось особенно явственно, а западноевропейские страны все больше делали ставку на "умиротворение" Советского Союза, Кристол написал статью с провокационным названием "Существует ли НАТО?". Она появилась примерно за год до выборов, принесших победу Рейгану. Характерно, что она была не только по европейским союзникам, но и по американскому руководству.

Кристол сознательно заострял свою позицию: "По моему печальному убеждению, – отмечал он, – после первого десятилетия вполне бодрого существования НАТО несколько лет назад перестала быть живой реальностью"¹⁶. Особую тревогу у него вызывало состояние дел на европейском континенте: "воинственный дух, дух патриотического самопожертвования не существует ни в одной европейской стране (возможно, лишь за исключением Швейцарии). На европейцев нельзя надеяться в случае вооруженного конфликта: у них дух сопротивления быстро уступит духу переговоров и приспособленчества"¹⁷.

Что же касается США, то, "несмотря на нынешний беспорядок в Вашингтоне", они остаются великой державой, глубоко вовлеченной в мировую политику. На них лежит колоссальный груз ответственности. Вместе с Западной Европой они должны разрабатывать и проводить внешнюю политику для свободного мира. Между тем госдепартамент "забыл основные принципы внешней политики, подобающие великой державе"¹⁸. Вместо национальных интересов он печется об интересах человечества, унаследовав "вульгаризированное вильсонянство". Подобный подход приводит к тому, что США "сохраняют торжественную приверженность к ООН как международному институту даже после того, как уже давно ясно, что большинство ее членов враждебно относятся к основным целям американской внешней политики"¹⁹. Вину за такое развитие событий Кристол возлагал на администрацию Эйзенхауэра, которая еще в 1956 г. во время Суэцкого кризиса поддержала ООН, а не НАТО, что способствовало ослаблению западноевропейской внешней политики.

---

¹⁵ Ibid., p. 90–91.

¹⁶ *Kristol I. Reflections of a Neoconservative*. New York, 1983, p. 236.

¹⁷ Ibid., p. 238.

¹⁸ Ibid., p. 241.

¹⁹ Ibidem.

Кристалл в очередной раз указывал на инфекцию, которая обессиливала в военно-политическом плане Западную Европу и угрожала самим Соединенным Штатам. "Социал-демократизация", по его мнению, превратила уже страны Старого Света в ненадежных союзников США. Демократии Западной Европы, констатировал он, более заинтересованы в "государстве всеобщего благосостояния, чем в том, чтобы играть значительную роль в мировых делах"²⁰.

Западная Европа продолжала идти прежним курсом, в то время как рейгановская Америка продвигалась все дальше по пути, определенному Кристаллом как "новый национализм", что не могло не осложнять отношений с европейскими союзниками. С этой точки зрения показательна статья Кристалла "Трансатлантическое непонимание", опубликованная в мае 1985 г., в которой автор, анализируя трансатлантические разногласия, один из подзаголовков статьи назвал: "Социалистический этос против национальной гордости".

В феврале 1986 г. в "Уолл-стрит джорнэл" была напечатана его статья "Глобальная односторонность (унилатерализм) и удушающие союзы". Если тогда в глаза особенно бросалась вторая часть заглавия, то его первая часть "глобальная односторонность" – предвосхищала имперский курс ближайшего будущего.

"Удушающий союз" для супердержавы – это такой союз, который может быть препятствием для того, чтобы одновременно предпринимать необходимые меры. К такого рода союзам Кристалл относил НАТО, Организацию американских государств, ООН. Его, естественно, беспокоило то обстоятельство, что большинство союзов держится на таких договорах, которые оказывают прямое влияние на американскую политику, а иногда дают их участникам даже право "вето". Им, поскольку они не являются великими державами, "свойственно определять свои национальные интересы, подвергая при этом себя незначительному риску"²¹.

Такая позиция малых стран, по мнению Кристалла, создает серьезные межсоюзнические проблемы. США, проводя активную и действенную внешнюю политику, не застрахованы от ошибок. "Однако великая держава, – уверен Кристалл, – может пережить те или иные ошибочные действия. Но ее бездействие или вялая реакция в долгосрочной перспективе приведут к ослаблению ее позиций"²². Следует отметить, что Кристалл решительно выступал за то, чтобы США во внешнеполитических вопросах даже еще в условиях биполярного мира, когда США приходилось считаться с мощью Советского Союза, во всяком случае с ее ядерной составляющей, принимали односторонние шаги. Способность проводить самостоятельные акции и право на них определялись, таким образом, не столько договорами с союзниками, сколько самим статусом США как великой державы. В сущности это рассматривалось в качестве признака великодержавности, а затем также и "имперскости".

* * *

В результате распада СССР рухнул биполярный миропорядок. Возникла уникальная ситуация, так как Соединенные Штаты, остались единственной супердержавой, чье военное и экономическое могущество открывало перед ними невиданные возможности для имперской политики. Не удивительно, что неоконсерваторы решительно стали настаивать на том, чтобы использовать открывшиеся перспективы.

По сравнению с "имперством" прошлого, это была качественно новая фаза; никогда еще соотношение сил не складывалось столь благоприятно для США. Поэтому трудно в очередной раз обойтись без префикса "нео". Теперь вполне резонно можно было говорить о "неоимперстве", о "неоимперской" политике. У неоконсерваторов имелась солидная база для ее разработки, а новая политическая ситуация давала им аргументы для ее обоснования.

²⁰ Ibid., p. 244.

²¹ *Kristol I.* Global Unilateralism and Entangling Alliances. – The Wall Street Journal, 3.II.1986.

²² Ibidem.

В 90-е годы инициатива перешла ко второму поколению неоконсерваторов, к сыновьям в переносном, а иногда и в прямом смысле слова. В этой связи прежде всего следует назвать сына Ирвинга Кристола Уильяма, редактора основанного им в 1995 г. еженедельника "Уикли стандарт" – главной трибуны современных неоконсерваторов. Их, естественно, не могла устроить внешнеполитическая стратегия Б. Клинтона, которая, на взгляд неоконсерваторов, явно не соответствовала масштабу возросшей американской мощи.

В 1996 г., в канун очередных президентских выборов, на страницах авторитетнейшего журнала "Форин афферс" появилась написанная У. Кристолом-младшим и Р. Кейганом статья, чье название говорило само за себя: "По направлению к неореигановской внешней политике". И хотя слово "империя" в ней отсутствовало (несколько раз употреблялось прилагательное "имперский"), она, по сути дела, представляла собой важный шаг в разработке имперской стратегии и идеологии. Ее положения не утратили смысла и значения вплоть до наших дней.

Статья, сочетающая признаки манифеста и трактата, пронизана опасениями упустить кульминационный момент, когда американская мощь по многим параметрам достигла апогея, что создало предпосылки для "благожелательной глобальной гегемонии" США в современном мире. Эквивалентом этого термина служило еще и "глобальное лидерство". Хотя "глобальная гегемония" терминологически отличается от понятия "империя", но, по сути, сходства между ними намного больше, чем различия.

Неоконсервативные авторы фактически и не скрывали имперских амбиций. Они подвергли резкой критике приземленный "реализм" киссинджеровского стиля и агрессивный изоляционизм П. Бьюкенена. Не избежал их критики и прагматик Дж. Буш-старший. Досталось, конечно, и Б. Клинтону за крен в сторону социально-экономических проблем в ущерб внешнеполитическим целям.

Но самое большое беспокойство неоконсерваторов вызывала американская публика, которая «индифферентна, если даже не враждебна, внешней политике и вовлеченности страны в заграничные дела, более заинтересована в сбалансировании бюджета, чем в мировом руководстве, и хотела бы больше получать "мирных дивидендов", чем расходовать деньги на то, чтобы сдерживать войны будущего и, если придется, сражаться в них»²³. По словам авторов, американцы в большинстве своем так и не осознали цену благам, свалившимся на них после окончания "холодной войны". Для этого не потребовалось "имперского перенапряжения". На благодушный лад настраивает американцев "отсутствие видимой угрозы интересам США". Американцы не могут понять, что потенциальные угрозы следует устранять до того, как они обретут опасный масштаб. Нельзя надеяться на то, что глобальная гегемония дарована раз и навсегда, поэтому "целью американской внешней политики должно быть сохранение этой гегемонии как можно дольше"²⁴.

Чтобы сохранить свою лидирующую роль, США должны увеличивать военные расходы, поддерживать свое превосходство по отношению ко всем странам мира. Но этого мало; необходимо еще и то, что авторы называют "гражданской вовлеченностью". Имеется в виду преодоление разрыва между американской профессиональной армией и гражданским населением, чтобы американские военные не чувствовали себя военнотрудовыми иностранного легиона, на чью долю приходится тяжкий труд "имперского менеджмента" в американском стиле. Слабое политическое лидерство и плохая работа по воспитанию у граждан ответственности за глобальную гегемонию ведут ко все большему обособлению и отчуждению военной культуры в американском обществе. Между тем вскоре может возникнуть потребность в привлечении дополнительного количества американских граждан в ряды вооруженных сил США.

---

²³ *Kristol W., Kagan R. Toward a Neo-reaganite Foreign Policy. – Foreign Affairs, 1996, July–August, v. 75, issue 4.*

²⁴ *Ibidem.*

У американской политики, считают Кристо́л-младший и Кейган, должны быть ясные моральные цели. При этом речь идет не о вильсо́нианских идеологии и фантазиях, а о реальных стратегических выгодах. Поддержание американской гегемонии предполагает продвижение в мире демократических порядков. США не следует "слепо делать бизнес с любой страной независимо от ее режима". В конечном счете надо иметь в виду перспективу "смены" недемократических режимов.

Тревогу неоконсерваторов второго поколения вызывала и ситуация в консервативном лагере. "Без более широкого, более просвещенного понимания интересов Америки, консерватизм легко дегенерирует в ущербный национализм бюккененовского типа"²⁵, – предостерегали авторы. «Истинный, "иду́щий от сердца" консерватизм должен делать упор на личную и национальную ответственности, получать удовлетворение от служения нации, воспользоваться благоприятной возможностью ради национального величия и восстановления чувства героического, которого так недостает американской внешней политике»²⁶, – такую альтернативу выдвигали они бескрылому реализму и жесткому изоляционизму. В качестве образца авторы выделяли двух республиканских президентов Т. Рузвельта и Р. Рейгана, благодаря которым американцы могли испытывать чувство гордости за свою ведущую роль в мировых делах.

Примерно через год после столь эффектной заявки молодых неоконсерваторов игру вновь взял на себя И. Кристо́л. Его очередная колонка в "Уолл-стрит джорнэл" от 18 августа 1997 г. была озаглавлена следующим образом: "Возникновение American Imperium". Понятие, вынесенное в заголовок неоднозначно; прежде всего, оно означает "власть", "владычество", полноту власти, полномочия, правда, может быть и синонимом "империи".

Что имеет в виду под избранным им термином гуру неоконсерватизма, выясняется довольно быстро. Приходит время, считает Кристо́л, когда "американский народ начинает осознавать тот факт, что мы стали имперской нацией, пусть даже общественное мнение и все наши традиции враждебны такой идее. И не высокомерные амбиции определяют нашу судьбу на этом пути, и это не своего рода заговор элиты, занимающейся внешней политикой"²⁷. Нужда в такой роли Америки диктуется самим мировым развитием, прежде всего теми кризисами, которые не могут быть разрешены без вовлечения США. Естественно, возникают параллели с Британской империей, но "Imperium", полагает автор, более тонкий термин, нежели "империя". Для того чтобы раскрыть его смысл, Кристо́л анализирует отношения США со странами Западной Европы. Благодаря НАТО ее европейские члены получили от США гарантии против агрессии, причем фактически односторонние. На первый взгляд может показаться, что Америка ничего не получила взамен. Но это поверхностное впечатление; на самом деле европейские государства поступают многим. Фактически они не имеют своей собственной внешней политики, независимой от США. В этом смысле они являются "зависимыми государствами, хотя и обладающими обширной локальной автономией". А термин "Imperium", по словам Кристо́ла, как раз описывает "эту смесь зависимости и автономии"²⁸.

Из рассуждений Кристо́ла следует, что Европа сама толкает Америку на имперскую стезю. У Европы «нет никаких амбиций, кроме максимально высокой степени сохранения "государства всеобщего благосостояния" и максимально выгодного ведения бизнеса с остальным миром». Ее военные расходы сокращаются, а состояние боевой готовности просто жалкое, о чем убедительно свидетельствовали события в Боснии, где Европа бездействовала до тех пор, пока американцы не взяли руководство на себя. "Европейский дух патриотизма, – подводит итог Кристо́л, – слабая тень былого".

---

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ *Kristol I. The Emerging American Emperium. – The Wall Street Journal, 18.VIII.1997.*

²⁸ Ibidem.

Вообще сегодняшняя Европа вполне удовлетворена тем, что она становится "расширенной версией Швеции"²⁹.

"Гегемонистский" манифест У. Кристола-младшего и Р. Кейгана, появившийся в период избирательной кампании 1996 г., не остался незамеченным, но еще более громкий резонанс вызвал опубликованный четыре года спустя в 2000 г. под редакцией этой же пары сборник эссе, озаглавленный "Современные угрозы". Завершалась эра Клинтона, и солидная книга, среди авторов которой фигурировали авторитетные неоконсерваторы, представляла собой набор рекомендаций для возможного президента-республиканца.

Наряду с Кристолом-младшим и Кейганом в авторский коллектив входили, в частности, П. Вулфовиц, Р. Перл, У.Дж. Беннетт, Э. Абрамс, Дональд и Фредерик Кейганы, всего более двух десятков людей, снискавших известность в политической и академической областях. В предисловии к сборнику У. Кристола-младший и Р. Кейган подчеркнули его преемственную связь со статьей 1996 г. Истекшие годы "не дали оснований для изменения фундаментального взгляда ни на возникающие опасности, ни на средства, чтобы их встретить". Всю группу эссеистов соавторы охарактеризовали как "консервативных интернационалистов", поборников "американского глобального лидерства, американской мощи и продвижения американской демократии и принципов свободного рынка за рубежами страны ... истинными наследниками традиций американской внешней политики, которая восходит от Теодора Рузвельта к Рональду Рейгану"³⁰.

Своего рода камертоном для коллективного труда явилось "Введение", написанное все тем же дуэтом и озаглавленное: "Национальный интерес и глобальная ответственность". По-прежнему продолжалась полемика с реалистами и изоляционистами. По-прежнему серьезную опасность неоконсерваторы видели в том, что американская нация не осознала свою историческую роль, не прониклась в должной мере чувством ответственности за поддержание мирового порядка.

Вина за это возлагалась на американское руководство, которое не сумело воспользоваться благоприятной ситуацией: 1990-е годы при всем их мирном характере и процветании оказались потерянным десятилетием. Это тем более непростительно, поскольку, полагали авторы, по традиционным меркам национальной мощи Соединенные Штаты занимали позицию, беспрецедентную со времен Рима, доминировавшего в Средиземноморском мире. У США был шанс сформировать международную систему, утверждали они, в соответствии со своими принципами при отсутствии оппозиции со стороны сильного и решительного противника. Говоря о цели американской внешней политики, авторы ссылались на формулу своего коллеги Ч. Краутхамера: «превратить "однополярный момент" в "однополярную эру"»³¹.

По мнению Кристола-младшего и Кейгана, американцы не вправе отказываться от роли "лидера свободного мира". Они считали, что в 1920 г. при президенте У. Гардинге "возврат к нормальности" был "роковой ошибкой". Это понимали такие американские политические деятели, как Д. Ачесон и Дж. Форрестол, заявлявшие о том, что после Второй мировой войны Соединенные Штаты должны заменить Великобританию в качестве мирового лидера³².

Во времена "холодной войны" США преследовали две основные цели: 1. содействовать созданию такого мирового порядка, который соответствовал бы американским принципам и интересам; 2. защищаться от непосредственных угроз. "Падение советской империи, – утверждали авторы, – не изменило фундаментальных целей американской внешней политики"³³. Далее следовал едва ли не самый главный вывод:

---

²⁹ Ibidem.

³⁰ Present Dangers. Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy. Ed. by R. Kagan and W. Kristol. San Francisco, 2000, p. VII, VIII.

³¹ Ibid., p. 5, 6.

³² Ibid., p. 10.

³³ Ibid., p. 12.

"В эру после окончания холодной войны поддержание достойного и открытого международного порядка требует постоянного американского лидерства в деле сопротивления, а где возможно и подрыва, усиливающих диктаторов и враждебных идеологий ради поддержки американских интересов и демократических принципов, поддержки всех тех, кто борется против наиболее крайних проявлений человеческого зла"³⁴.

Но это, спешат оговориться авторы, отнюдь не означает, что Соединенные Штаты должны искоренять зло, где бы оно ни подняло голову. Неоконсервативные публицисты не хотели тогда выглядеть некими крестоносцами либеральной демократии: "Соединенные Штаты не должны начинать крестовый поход против любой диктатуры"³⁵. В то же время они считали, что Соединенные Штаты должны сохранять свободу рук, поскольку нет четкого критерия для интервенции. Фактически таковым является национальный интерес США или даже "жизненный американский интерес". Проблема в том, как его определить: "Определение того, что является американским национальным интересом – не наука, а искусство. Это требует не только измерения мощи, но также убеждений, принципов и проницательности, не поддающихся количественной оценке"³⁶. Из такой посылки следует довольно жесткое заключение: «мы будем от случая к случаю вмешиваться за границей, даже если мы не сможем доказать, что на кону стоят узко национальные "жизненные интересы" Соединенных Штатов»³⁷. Чем шире очерчен круг жизненных интересов, тем реже могут возникнуть ситуации, требующие интервенции, так как потенциальные нарушители американских интересов будут опасаться задевать их. В случае возникновения нестабильности и пренебрежения правилами цивилизованного поведения в важных регионах мира США должны реагировать на них так, "как будто это происходит у нашего порога"³⁸.

Глобальная ответственность предполагает способность эффективно отвечать на угрожающие вызовы: "Америка, чья готовность использовать силу вызывает сомнения ... может только поощрить такие вызовы"³⁹. В критике американских властей за пассивное отношение к кризисам в опасных точках, содержится, по сути дела, идея упреждающих действий, поскольку выжидание приводит к расширению кризисных метастаз.

В центре внимания Кристола-младшего и Кейгана также проблема "смены режимов". Они считали, что идея «внешнеполитических минималистов и ориентированных на коммерцию либералов», будто США могут "делать бизнес" с любым режимом независимо от того, насколько он одиозен и враждебен американским базовым принципам, стратегически вредна и с исторической точки зрения не оправдана⁴⁰. Ныне, как и во времена "холодной войны", Соединенным Штатам, утверждали они, следует добиваться смены враждебных режимов. Что касается режимов праворадикального толка, США сотрудничают с ними, видя в них "бастион против радикального мусульманского фундаментализма"⁴¹. В свое время США вступали в союз со Сталиным против нацистской Германии, с маоистским Китаем против СССР, но все это были "тактические отклонения" от стратегии продвижения либеральной демократии во всем мире.

Конечно, нельзя рассчитывать на быструю и легкую трансформацию "государств изгоев" или державы, представляющей опасность для США. Однако нельзя упускать возможности покончить с режимом такого типа, как это было в 1991 г. в Ираке. Тактика "смены режима" многообразна. Но когда приходится иметь дело с тираническим режимом, особенно представляющим угрозу для США и их союзников, "следует стремиться не к сосуществованию с ним, а к его трансформации"⁴².

---

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., p. 13.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid., p. 16.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid., p. 17.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid., p. 20.

Кристалл-младший и Кейган полагали, что основу прокламируемой ими внешней политики заложил Т. Рузвельт. Обращаясь к американцам с тем, чтобы они поддержали его "энергичный интернационализм", он взывал к их националистическому чувству. Но это был национализм «уникально американского образца: не островной, не национализм "крови и почвы", а такой, который ... коренится в универсальных принципах, впервые провозглашенных в Декларации независимости»⁴³. Т. Рузвельт питал презрение к тем, кто верил, что мир можно превратить в бесконфликтную среду обитания. Он был "идеалистом иного рода", не отвергавшим фактор силы, особенно применительно к врагам цивилизации. "Военная интервенция цивилизованных держав, – утверждал он, – была бы непосредственным вкладом в мир на земле"⁴⁴.

Книга "Современные угрозы" – логическое продолжение "гегемонистского манифеста" 1996 г. В этом коллективном труде развивается обширная программа имперской политики. Здесь можно найти почти все ее компоненты: благожелательная гегемония, однополярный мир, смена режима, т.е. "государственное строительство", потенциальная односторонность, защита западной цивилизации.

Само слово "империя" – редкий гость в лексиконе неоконсерваторов. объяснение этому дает один из соавторов сборника Дж. Сизер. Этого слова, считает он, лучше избегать, но "не потому, что оно может быть воспринято как оскорбительное, а потому, что оно не описывает тот род предприятия, в которое вовлекается нация не для того, чтобы править другими, а для того, чтобы поддерживать цивилизованный мировой порядок и дать возможность познать преимущества свободного правления"⁴⁵. Для этого, по мнению Сизера, лучше подходит понятие "лидерство".

Важно отметить, что выводы книги "Современные угрозы" фактически подкреплялись данными доклада группы экспертов "Восстановление американской обороноспособности. Стратегия, силы и ресурсы для нового столетия", подготовленного в рамках "Проекта за новый американский век". Среди участников проекта можно встретить и авторов эссе: У. Кристола, троих Кейганов, П. Вулфовица. Доклад был подготовлен под руководством Г. Шмитта и Д. Кейгана, главный разработчик – Т. Доннелли. Авторы не скрывали практической цели доклада: "Наш доклад опубликован в год президентских выборов... Мы надеемся, что он будет полезен в качестве дорожной карты для непосредственных и будущих планов обороны нации"⁴⁶.

Основная идея документа вполне узнаваема: "В настоящее время Соединенные Штаты не имеют перед собой ни одного глобального соперника. Целью американской большой стратегии должно быть сохранение и расширение такой выгодной позиции как можно дольше и в будущем"⁴⁷.

Безусловно, не все неоконсерваторы являлись сторонниками Дж. Буша-младшего. Были и такие, кто предпочел бы видеть в Белом доме сенатора Дж. Маккейна, который по своему военному и политическому опыту казался им перспективнее провинциального техасского губернатора. До 11 сентября 2001 г. стратегия 43-го президента США не внушала оптимизма поборникам глобальной гегемонии. Во время президентской избирательной кампании 2000 г. он отметал всякие подозрения в наличии у него имперских амбиций и, подобно Клинтону, отдавал предпочтение внутренней политике. Характерно, что на обложке "Уикли стандарт" от 10 сентября 2001 г. провозглашалось: "Прощай американское величие". Но уже 8 октября на обложке можно было прочесть: "За американскую империю".

---

⁴³ Ibid., p. 23.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ *Ceaser J. The Great Divide: American Internationalism and its Opponents. – Present Dangers*, p. 41.

⁴⁶ *Rebuilding America's Defenses. Strategy, Forces and Resources for a New Century. A Report of the Project for the New American Century*. Washington, 2000, p. III.

⁴⁷ Ibid., p. I.

У неоконсерваторов, как пишет в юбилейном номере "Уикли стандарт" (журналу в 2005 г. исполнилось 10 лет) Э. Коэн, появились тогда основания полагать, что "президент Буш возьмется за решение двух задач-близнецов: смены режимов и государственного строительства, которые он отвергал годом ранее в качестве кандидата"⁴⁸.

* * *

Трагические события 11 сентября 2001 г. создали предпосылки для своего рода синтеза стратегии, нацеленной на продвижение демократии западного типа с войной против терроризма. В известной мере это было похоже на сочетание модных идей Ф. Фукуямы и С. Хантингтона в их самой крайней форме. Если Фукуяма говорил о победном шествии по планете либеральной демократии, то неоконсерваторы стремились придать этому процессу существенное ускорение посредством "смены режимов". Если Хантингтон говорил о возможности "столкновения цивилизаций", то многими неоконсерваторами оно воспринималось как реальность.

Одним из первых концептуальных неконсервативных откликов на 11 сентября 2001 г. стала статья М. Бута в "Уикли стандарт" за 15 октября. Ее название было тождественно заголовку, вынесенному на обложку предшествующего номера – "За американскую империю". Бут – представитель молодого поколения неоконсерваторов. Он почти на полвека младше И. Кристола, родившегося в 1920 г. Этот очень плодовитый ученый и публицист, активный участник дебатов в СМИ, регулярно пишет и выступает по самым животрепещущим военно-стратегическим и внешнеполитическим проблемам. Из многочисленных опубликованных его работ и устных выступлений вырисовывается, пусть и не целостная, но, во всяком случае, довольно связанная система взглядов.

Суждения Бута отличаются наибольшей последовательностью; он без колебаний расставляет точки над "и". Большинство его коллег более сдержанны, когда речь идет о понятиях, отягощенных многовековой исторической ипотекой. Поэтому концептуальные положения Бута нельзя оценивать как неоконсервативный канон.

Будучи признанным экспертом в области военной стратегии и внешней политики, ведущей фигурой в Совете по международным отношениям, Бут взял также на себя значительную часть работы по отражению многочисленных атак, которым подвергаются неоконсерваторы и слева, и справа. Им приходится держать круговую оборону, и специалист по военной стратегии и тактике выполняет свою миссию уверенно и энергично.

Наиболее обстоятельно свою систему аргументации в защиту неоконсерватизма он развивает на страницах журнала "Форин полиси" за январь–февраль 2004 г. Прежде всего он опровергает точку зрения о том, что неконсервативные заговорщики будто бы подчинили своему влиянию "внешнюю политику администрации Буша и превратили единственную супердержаву в монстра"⁴⁹. В этой связи фигурируют уже набившие оскомину имена П. Вулфовица, Д. Фейта, Л. Либби, Э. Абрамса, Р. Перла. Но, как настоятельно подчеркивает Бут, реально власть находится в руках Дж. Буша, Р. Чейни, Д. Рамсфельда, К. Пауэлла, К. Райс. Причем К. Пауэлл – либеральный интернационалист, а все остальные являются консерваторами-традиционалистами, более всего озабоченными национальными интересами США. К тому же, не упускает случая заметить Бут, в свое время все они критиковали администрацию Клинтона за то, что та придавала чрезмерное значение таким вещам, как "национальное или государственное строительство", т.е. вмешательству во внутренние дела иностранных государств, навязыванию им западных демократических стандартов. В частности, напоминает

---

⁴⁸ *Cohen E.* Older and Wiser? A Weekly Standard 10th Anniversary Symposium. – The Weekly Standard, 2005, 26 September, v. 011, issue 01.

⁴⁹ *Boot M.* Think Again: Neocons. – Foreign Policy, January–February 2004.

Бут, эти люди в высшей степени скептически относились к интервенции на Балканах, которую громко одобряли неоконсерваторы. Только после 11 сентября президент Буш «осознал, что Соединенные Штаты больше не могут довольствоваться "скромной" внешней политикой»⁵⁰.

В силу этого "Стратегия национальной безопасности", появившаяся в сентябре 2002 г. выглядела как неоконсервативный по своей сути документ. Однако триумф неоконсерватизма не был ни перманентным, ни полным. Так администрация не вняла аргументам неоконсерваторов относительно режимов в Северной Корее и Иране. Более того, президент несмотря на тезис об "оси зла" пошел на переговоры с Северной Кореей. Его отношения с коммунистическим Китаем гораздо более дружелюбные, чем того хотели бы неоконсерваторы. На их взгляд, предложенная Бушем для решения палестинско-израильского конфликта "дорожная карта" ведет в никуда. Вообще у Бута достаточно поводов, чтобы высказать несогласие со стратегией президентской администрации.

Что касается левого или даже ультралевого происхождения идеологов неоконсерватизма, то Бут считает подобные представления явно гиперболизированными. Значительно больше неоконсерваторов – выходцев из гнезда известного ястреба, сенатора-демократа Г. Джексона, осуждавшего нисоновскую политику разрядки. Наконец, президент Рейган задал неоконсерватизму новые стандарты. Молодое же поколение неоконсерваторов (У. Кристал-младший, Р. Кейган и сам М. Бут) никогда не имело никакого отношения к левым.

Бут подверг критике и такой популярный тезис, будто "неоконсерваторы – это евреи, которые служат интересам Израиля". На этом же фундаменте в значительной мере возводят свои построения крайне правые и левые от Л. Ларуша и П. Бьюкенена до тех, кто работает над новостными изданиями Би-би-си и газеты "Монд". Бут приводит фамилии видных неоконсерваторов не еврейского происхождения. Если же Израиль и выиграл поддержку большинства американцев разных вероисповеданий, то объяснение этому простое: "Израиль является единственной демократией на Ближнем Востоке, а его враги (Хезболла, Хамас, Иран и Сирия) провозгласили себя и врагами Соединенных Штатов"⁵¹.

Утверждение о том, что неоконсерваторы являются обильно спонсируемыми и великолепно организованными заговорщиками Бут опровергает, сопоставляя денежные ресурсы фондов, финансирующих деятельность неоконсерваторов и либералов. Так на долю первых (включая самого Бута) достались гранты объемом 68 млн. долл. в год, а на долю вторых – 833 млн. Тиражи многочисленных неоконсервативных изданий ("Уикли стандарт", "Паблик интрест", "Комментэри") неизмеримо ниже многочисленных либеральных журналов, в особенности таких, как "Ньюйоркер" или "Тайм".

С точки зрения имперской идеологии наиболее интересна полемика Бута с теми, кто утверждает, что неоконсерваторы – это "вильсонские идеалисты". Обычно, поясняет Бут, этикетку "вильсонянцы" прикрепляют к тем, кто верит, что американская политика должна руководствоваться продвижением американских идеалов, а не поддержкой собственных стратегических и экономических интересов.

Далее Бут делит "вильсонянцев" на две категории: "мягких" и "жестких". Первые (среди них, кроме, разумеется, самого Вильсона, Дж. Картер) уповают на такие международные организации, как Лиги Наций или ООН, надеясь на то, что те могут послужить главным орудием США для распространения американских идеалов и международного права. "Мягкие" вильсонянцы отнюдь не исключают интервенции, однако вмешательство, по их представлениям, должно быть "чистым", не запятанным даже намеком на национальный интерес.

Неоконсерваторы считают самого Вильсона "безнадежно наивным", себя же они относят к "жестким" вильсонянам, которые "верят не в бумажные листки, а в мощь,

---

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem.

особенно в мощь США"⁵². Героями в глазах неоконсерваторов являются Т. и Ф. Рузвельты, Г. Трумэн и Р. Рейган, т.е. все те президенты, кто успешно использовал военную мощь на службе высокой цели.

Защищая позиции неоконсерваторов, Бут не соглашается с теми, кто утверждает, что неоконсерваторы против международных союзов и организаций. Это неверно, заявляет он, ибо у неоконсерваторов нет проблем с союзами. Но они обеспокоены тем, что международные институты, в частности ООН, могут налагать вето на действия США. Они также не считают нужным присоединяться к международным соглашениям только для того, чтобы поддерживать "гармонию" в международных делах. Но это еще не повод считать их приверженцами одностороннего подхода (унилатералистами). Напротив, полагает Бут, поскольку неоконсерваторы выступают за глобальное лидерство США, они знают, что издержки подобного лидерства (включая поддержание мира и государственное строительство) так велики, что Соединенные Штаты нуждаются в союзниках, чтобы разделить с ними тяжесть бремени. Неоконсерваторы питают серьезные опасения насчет эффективности ООН, но в отличие от крайне правых "они были бы счастливы вершить с ней общее дело, если это будет служить интересам США"⁵³. Не трудно заметить, что "многосторонний подход" неоконсерваторы принимают лишь при том условии, что приоритет все-таки отдается интересам их собственной страны.

Как и Бут, но с иных позиций отбивается от многочисленных оппонентов Г. Шмитт, директор проекта "За новый американский век". В частности, он дает отпор тем, кто обвиняет неоконсерваторов в том, что они якобы хотят, чтобы Америка была империей, но избегают говорить об этом. По утверждению Шмитта, не следует путать американскую гегемонию с империализмом, так как США не захватывают чужие территории, а экономическая экспансия не эквивалентна империалистической. К тому же, если бы Америка была империей, разве могли бы ее субъекты отказаться от участия в войне против Саддама Хусейна? Сила Америки проистекает от добровольных ассоциаций и альянсов. Вообще провозглашение Америки империей лишь причиняет вред имиджу страны и плохо сочетается с намерением распространять демократию и права человека⁵⁴. Однако, признает Шмитт, среди неоконсерваторов есть и такие, кто смотрит на все это иначе.

Среди них значится и Бут. Уже сами заголовки его статей достаточно красноречивы и недвусмысленны. Вот некоторые из них: "Аргументы в пользу Американской империи", "Американский империализм? Не надо избегать этикетки", "Империализм США: сила ради добра", "Либеральный империализм", "Просвещенный империализм", "Судьба Америки быть мировым полицейским".

Статья "Аргументы в пользу Американской империи" появилась примерно месяц спустя после событий 11 сентября. Ее главный тезис в подзаголовке: "Самый реалистический ответ Америки на терроризм – имперская роль". Бут решительно отмечает суждения тех, кто, подобно Бьюкенену, считает теракты расплатой за имперские амбиции. Наоборот, трагедия 11 сентября, по его мнению, результат нерешительности американских администраций, которые в ответ на акции террористов ограничивались символическими жестами вроде бомбардировки тренировочных лагерей в Афганистане и фармацевтического завода в Судане. Проявление слабости поощряет врагов. Отказ Дж. Буша-старшего идти на Багдад, что позволило Саддаму Хусейну нанести удары по курдам и шиитам, Бут расценивает как "позорную страницу в американской истории", подобно уходу США из Южного Вьетнама в 1975 г. "Теперь, – полагает Бут, – у нас есть возможность исправить историческую ошибку"⁵⁵.

---

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Schmitt G. Response to Asmus and Pollack. – Los Angeles Times, 24.VII.2003.

⁵⁵ Boot M. The Case for American Empire. – The Weekly Standard, 2001, October 15, v. 7, № 5.

Незадолго до вторжения в Ирак появилась статья Бута "Судьба Америки быть мировым полицейским". В ней автор высказывается решительно и откровенно. Американцам не надо рассчитывать на одобрение нужной им резолюции Францией, Китаем и Россией. Но даже если бы эти страны не возражали, резолюция была бы лишь "фиговым листком для проводимой США акции. Если США не сделают шага вперед, ничего не произойдет... Иными словами, Америка вновь вынуждена играть роль мирового копа"⁵⁶.

Надежды, которые либералы-идеалисты на протяжении более столетия возлагали на международные организации, не оправдались: провалилась Лига Наций, ООН оказалась не лучше. Как можно воспринимать всерьез, например, Комиссию по правам человека под председательством Ливии или Комиссию по разоружению, которую вскоре должна возглавить Сирия. Вообще ООН стала "подходящим форумом для болтовни", но в качестве эффективной полицейской силы она выглядит смешно. Конечно, НАТО как многосторонняя альтернатива располагает потенциалом, но этот союз слишком большой и громоздкий, чтобы быть эффективной военной силой. Кому же быть мировым полицейским? Бельгии, Боливии, Буркина Фасо, Бангладеш? – риторически вопрошает Бут. В XIX в. Британия обеспечивала свободу торговли, сражалась с такими "врагами человечества", как работорговцы и пираты. Теперь же кому, как не Америке, взять на себя миссию "мирового копа".

Бут полемизирует с теми, кто утверждает, что "государственное строительство" противоречит американскому характеру. Как на образце изоляциониста принято ссылаться на Дж.К. Адамса. Между тем, отмечает Бут, именно он выкупил у Испании Флориду, при нем же была принята доктрина Монро, превращавшая Латинскую Америку в сферу влияния США и тем самым дававшую поводы для множества интервенций. При Т. Джефферсоне и Дж. Полке были приобретены миллионы акров территории. Список можно продолжать, он окажется внушительным.

Конечно, нельзя путать то, что сегодня именуют американским империализмом с подобным явлением старого стиля. Сфера американского влияния чрезвычайно широка, распространяется на несколько континентов. Это, как пишет Бут, по форме не империализм прошлого, но для "описания уникальной роли Америки в мире пока не найдено более подходящего слова"⁵⁷.

Уже после иракской кампании в статье "Американский империализм? Не надо избегать этикетки" Бут отмечал, что нежелание США использовать свою силу из страха перед словом на "и" – империализм, представляет "величайшую опасность" для страны. Он иронизировал над Рамсфельдом, который на вопрос корреспондента Аль-Джазиры, не строят ли американцы империю, отреагировал так, как будто бы его спросили, не носит ли он дамское белье. "Мы не стремимся к империи", – ответил раздраженно министр обороны США. И добавил: "Мы – не империалисты. Мы ими никогда не были"⁵⁸. На самом же деле, считает Бут, США "были империей с 1803 г., когда Т. Джефферсон купил территорию Луизианы. На протяжении XIX в. то, что Джефферсон назвал "империей свободы", распространилось на весь континент... Американская империя двинулась за границу, приобретая колонии от Пуэрто-Рико и Филиппин до Гавайев и Аляски"⁵⁹.

Фактически империализмом можно считать временную оккупацию Германии и Японии. Империализмом только под другим названием является эксперимент по "государственному строительству" в Сомали, на Гаити, в Боснии, Косово и Афганистане. Бесспорно, в истории американского империализма есть и "позорные эпизоды", например, отношение к индейцам, но в целом американский империализм в XX в., по словам Бута, был "величайшей силой добра"⁶⁰.

---

⁵⁶ *Boot M.* America's Destiny Is to Police The World. – Financial Times, 19.II.2003.

⁵⁷ *Boot M.* The Sun Never Sets ... Building an Empire, American Style. – The Weekly Standard, 4.XI.2002.

⁵⁸ *Boot M.* American Imperialism? No Need to Run Away from Label. – USA Today, 6.V.2003.

⁵⁹ *Ibidem.*

⁶⁰ *Ibidem.*

Однако, сетует Бут, нет ясных признаков того, что Соединенные Штаты готовы принять свою имперскую роль без извинений. Его беспокоит то обстоятельство, что администрация Буша недооценивает трудности, которые подстерегают американцев в занятой ими стране: "Неужели администрация воображает, что Ирак за каких-нибудь пару лет можно будет превратить в Швейцарию?"⁶¹ Стоит вспомнить, что союзническое правление растянулось в Германии на четыре года, а в Японии на целых семь лет. Главное избежать того, что случилось в Сомали, "пусть даже потребуются держать войска в Ираке в течение десятилетий и пусть называют то, что мы делаем, империей"⁶².

В аргументации Бута не трудно обнаружить много слабых мест, но с учетом цели данной работы важнее остановиться не на исторических, сколько на сугубо современных, более того, крайне "современных" аспектах рассуждений неоконсервативного аналитика. В них доминирует мысль о том, что американцам не нужно спешить с выводом войск, пока посеянные ими семена демократии не дадут устойчивых всходов. Вашингтонским политикам не следует сокращать период "либерального империализма". Необходимо считаться с тем, что "государственное строительство" сопряжено с большим риском, в этом деле не избежать потерь и неудач.

Но после 11 сентября у "империалистов" наряду с традиционными экономическими, политическими, идеалистическими мотивами, появился еще один, правда, не столько новый, сколько обновленный. Бут называет его "эгоистическим". Занимаясь национальным и государственным строительством на зарубежных территориях США отодвигают угрозу от самих себя. Говоря спортивным языком, они ведут борьбу на чужой половине поля, подальше от собственных ворот. Еще более четко об основном мотиве "государственного строительства" пишет неоконсервативный публицист А. Волфсон: "Наша конечная цель не столько в том, чтобы сделать мир безопасным для демократии, а, как сказал Теодор Рузвельт, сделать мир безопасным для Америки"⁶³.

* * *

Будучи убежденным сторонником войны в Ираке, Бут, как эксперт по военным проблемам, довольно скоро стал критиковать просчеты и ошибки американского командования. Подавляющее военное превосходство США оказалось не эффективным в столкновениях с многочисленными мобильными группами террористов. Катастрофически не хватает своевременной и достоверной информации о противнике. Для ведения борьбы с ним необходим специальный опыт, который накапливается только с течением времени. Между тем, на взгляд Бута, ротация военных происходит слишком быстро. Не лучше обстоят дела с дипломатами и разведчиками. Многих агентов ЦРУ меняют через 1–3 месяца. Люди не успевают вжиться в среду, привыкнуть к обстановке, без чего немыслима успешная деятельность. Более того, сотрудников ЦРУ и госдепа нередко посылают не в те регионы, по которым они специализируются. Например, специалиста по Латинской Америке могут послать в Азию. Конечно, признает Бут, иногда это способствует возникновению у перебрасываемых новых свежих идей, но чаще всего обесценивает приобретенный ими богатый запас познаний и практического опыта.

Образцом для американцев должны послужить англичане. Бут указывает в этой связи на блестящего агента британской разведки археолога и дипломата Г. Белл, которая в течение десятилетий исколесила весь Ближний и Средний Восток. В 1920-х годах ее считали "некоронованной королевой Ирака". Другим примером для подражания является полковник Р. Уорбуртон, в совершенстве владевший персидским и пуштунским языками. Восемнадцать лет (1879–1897 гг.) он провел в северных провинциях современного Пакистана. Благодаря его личным связям, политическому

---

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibidem.

⁶³ Wolfson A. The Two Faces of Liberalism. – The Weekly Standard, 2004, October 18, v. 010, issue 06.

искусству в этом крайне беспокойном регионе поддерживался относительный порядок. Бут ссылается на историка Б. Фаруэлла, так писавшего о полковнике Уорбуртоне: "В местах, где всякий человек всегда бывает вооружен, он ходил обычно с прогулочным стеклом"⁶⁴.

Действительно, у американских военных самое лучшее и изощренное оружие в мире. Однако этого мало: "пока у нас не будет больше знающих и искусных людей, подобных Уорбуртону и Белл, мы будем терпеть большой урон в войне с террором"⁶⁵. Иными словами, требуются не просто военные, дипломаты, разведчики, а строители империи в киплинговском духе, специалисты, на опыте и искусстве которых зиждилась знаменитая "большая игра". Война против терроризма и "государственное строительство" сплетаются воедино. Одно служит обоснованием для другого. И в том, и в другом случае имеется в виду долгосрочный процесс. Успех зависит от силы в сочетании с тактическим искусством, выдержкой, способностью мобилизовать разнообразные ресурсы, учитывать исторический опыт.

Разделяя стратегические установки администрации Буша, неоконсерваторы далеко не всегда одобряли то, как они реализуются на практике. О характере разногласий лучше всего говорят слова Бута: "Я согласен с принципами президента Буша, но озбочен тем, каким образом он их применяет"⁶⁶. В канун президентских выборов 2004 г. он высказался еще более определенно. Пусть Буш совершил множество тактических ошибок, "но видение его верно"⁶⁷. Особенно серьезной критике подвергался такой "ястреб" без страха и упрека из администрации Буша, как Рамсфельд за то, что он противился увеличению американского контингента в Ираке.

Если президентские выборы 2004 г. ободрили неоконсерваторов, то вполне ожидаемый неудачный исход промежуточных выборов 2006 г. хотя и не поколебал их идейных позиций, но посеял пессимистические настроения. Тем не менее, неоконсерваторы не утратили воинственного духа и не признают войну в Ираке проигранной. Они поддержали президента Буша в его решимости продолжать войну до победы. План Буша интенсифицировать военные действия в Ираке, чтобы добиться решающего перелома, по мнению одного из ведущих сотрудников "Уикли стандарт" Ф. Барнса, отражает "примечательную черту 43-го президента США, которая уже не раз проявлялась: он отвергает общепринятую мудрость и выдерживает резкие атаки на политику, в которую верит. Враги расценивают, как упрямство его нежелание признать незавидные перспективы в Ираке". "Нечто похожее, – пишет Барнс, – говорили о Линкольне в ходе гражданской войны. Конечно, Буш – не Линкольн. Но он храбрый президент, обладающий удивительной стойкостью, президент, который после шести лет в Вашингтоне еще не исчерпал себя"⁶⁸. Стойкость должны проявить и граждане. "Не выпустить победу из рук – вот, по словам Барнса, – мучительный урок Вьетнама, который следует помнить сейчас"⁶⁹.

Нелегко пришлось и неоконсерваторам. Их амбициозные планы замкнулись на Ираке. Стало сказываться "имперское перенапряжение", перспективу которого для США упоенные мощью своей страны неоконсерваторы отвергали. Они надеялись, что имперская идея может стать стимулом для сплочения нации, однако курс на глобальную гегемонию привел к противоположным результатам. Поляризация усилилась как внутри американской нации, так и самого консерватизма. Она распространилась и за пределы США. Поскольку имперская политика проводилась консервативной

---

⁶⁴ *Boot M.* Losing the Personal Edge in Irac. – http://www.cfr.org/pub6924/max_boot/losing_the_personal_edge_in_irac.php

⁶⁵ *Ibidem.*

⁶⁶ Debate: National Security in the 2004 Election 2004, June 16. – http://www.cfr.org/pub7107/max_boot_stiven_a_cook/debate_national_security_in_the_2004_election.php

⁶⁷ Town Hall Meeting: Foreign Policy and the Presidential Election. Georgetown University. Washington, 2004, October 18. – http://www.cfr.org/pub7475/max_boot

⁶⁸ *Barnes F.* Bush Stand Alone. – *The Weekly Standard*, 2007, Januar 22, v. 012, N 18.

⁶⁹ *Barnes F.* Not This Time. – *The Weekly Standard*, 2007, Februar 2, v. 12. № 20.

вашигтонской администрацией, то противостояние между воинственными консерваторами, с одной стороны, и их либеральными и всякого рода левыми противниками – с другой, приняло международный характер. Это самым существенным образом повлияло на всю сферу международных отношений. Возникла своеобразная дихотомия: поборники глобальной гегемонии и "смены режима" в "государствах-изгоях" против сторонников стратегии "умиротворения". Линия раскола прошла через Атлантику, разделив Америку и в значительной степени отделив от Америки Европу.

Возможно, быстрый успех в "национальном строительстве" снял бы внутреннее и внешнее напряжение, но так как американцы завязли в Ираке, то противоречия накалились. "Поляризация, которая стала характерной для американской политики с президентства Рейгана, – писал в новогоднем номере (2007 г.) "Уикли стандарт" М. Континетти, – расширилась и распространилась на международные дела"⁷⁰. Никогда еще противоречия между двумя партиями, т.е. республиканцами и демократами, по вопросам войны и мира не были столь резкими. Как отмечает неоконсервативный публицист, расхождения сильнее, чем во времена вьетнамской войны. Насколько они велики свидетельствуют, в частности, данные Исследовательского центра "Пью"(Pew) по опросу общественного мнения начала ноября 2006 г.: 77 % республиканцев считали, что США приняли верное решение, применив военную силу против Ирака; с этим были согласны только 20% демократов⁷¹.

"Дискредитируют ли партию власти американские неудачи в Ираке, подобно тому, как городские мятежи и другие социальные беспорядки в конце 1960-х годов дискредитировали партию Великого общества?" – ставит вопрос М. Континетти. Американские и мировые дела настолько непредсказуемы, что ответ на него дать трудно. Но, что остается реальностью, так это "раскол между партией мира и партией силы"⁷².

В последнее время неоконсерваторы в основном поглощены "текучкой", необходимостью отбиваться от обвинений многочисленных противников и конкурентов. Изменился и психологический климат в стране. На фоне снижения "имперского градуса" неоконсервативной публицистики особенно примечательно появление в конце 2006 г. солидного исторического труда Р. Кейгана под вызывающим названием "Опасная нация". Многозначительно звучит и ее подзаголовок: "Место Америки в мире от ее истоков до начала XX столетия". Это первый том задуманного им монументального труда.

"Сегодня большинство американцев, – пишет Кейган, – были бы удивлены, узнав, что многие в мире рассматривали Америку даже в период ее детства как очень опасную нацию"⁷³. Для этого было немало причин. Во-первых, постоянное стремление американцев к расширению своей территории и влияния. Это испытали на себе прежде всего их соседи. Абсолютистские режимы Европы опасались Америки, видя в ней революционную угрозу. Например, ее остро ощущал живой символ абсолютистской консервативной Европы австрийский канцлер князь Меттерних.

В то же время, отмечает Кейган, изначально возник разрыв между самовосприятием американцев и восприятием их другими: "Американцы лелеяли образ самих себя как натурой, обращенной вовнутрь и отчужденной, только спорадически и хаотично отваживавшейся вмешиваться в мировые дела, обычно в ответ на внешние нападения или предполагаемые угрозы"⁷⁴. Это представление американцев о себе оказалось живучим, "несмотря на четыре столетия постоянной экспансии и все углубляющегося вовлечения в мировые дела, и несмотря на бесчисленные войны, интервенции и продолжительные оккупации зарубежных стран"⁷⁵. Даже теперь, когда Соединенные Штаты "поднялись до позиции глобальной гегемонии, ... американцы все еще считают, что

---

⁷⁰ *Continetti M.* The Peace Party vs. the Power Party. – The Weekly Standard, 2007, Januar 8, v. 012, № 16.

⁷¹ *Ibidem.*

⁷² *Ibidem.*

⁷³ *Kagan R.* Dangerous Nation. New York, 2006, p. 3.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 5.

⁷⁵ *Ibidem.*

для их нации являются естественными тенденции пассивности, индифферентности и изоляционизма"⁷⁶.

Свою основную идею Кейган, пожалуй, наиболее четко изложил в одном из интервью. Этому поспособствовал и поставленный интервьюером вопрос: "Сформулируйте ваш главный тезис, а также те ортодоксальные взгляды, которые вы подвергаете ревизии". Сначала Кейган ответил на вторую часть вопроса: "В общем общественное мнение, а также интеллектуальная элита и внешнеполитический истеблишмент воспринимали американскую политику XVIII–XIX вв. как в основном изоляционистскую". В этом контексте рассматривались планы первых переселенцев, мечтавших о "граде на холме". В изоляционистском же духе истолковывались и прощальная речь Вашингтона и "доктрина Монро".

Точка зрения Кейгана диаметрально противоположна: "Американцы являются и всегда были экспансионистским народом. Начиная с первых пуритан и вплоть до конца XIX в. американцы были агрессивными территориальными экспансионистами, добывающимися рынков и ресурсов повсюду, где их только можно найти, и они всегда были готовы использовать силу, когда это было необходимо для достижения своих экспансионистских целей"⁷⁷. С начала XIX в. и до наших дней, продолжает автор "Опасной нации", "американцы стремятся распространять свою власть и свое внимание, формировать образ поведения других народов и наций во все более широких рамках"⁷⁸.

Не уходит он от весьма щекотливого вопроса, а не похожа ли американская экспансия на экспансию таких режимов, как саддамовский, гитлеровский и сталинский? Кейган признает, что американская политика не была "чистой". В период XVIII и XIX вв. американская экспансия порой в большей мере диктовалась стремлением распространить рабство, а не демократию. Тем не менее, даже самые мрачные из эпизодов такой политики находили оправдание в желании "улучшить" страну в "локковском либеральном" смысле⁷⁹.

Соглашается Кейган и с тем, что не была совсем "чистой" и американская экспансия с моральными целями во времена двух мировых войн и "холодной войны". Но принципиальное отличие американской экспансии от экспансии диктаторских режимов не в средствах (американцы, например, подвергли атомной бомбардировке мирное гражданское население Японии), а в целях. "Я думаю, что было бы оправданно утверждать, – говорит Кейган, – что Соединенные Штаты не были такими же экспансионистами, как другие державы. Вопрос связан с целями американской экспансии, которая, на самом деле, стремилась принести свободу и прогресс, а не порабощение"⁸⁰.

В этом, на взгляд Кейгана, кроется причина ненависти исламистов к США: "Они чувствуют, что американская мощь, как и американская культура, американская поддержка прогресса, либерализма и современного развития подрывают консервативные попытки повернуть часы назад в исламском мире"⁸¹. Это вызывает у неоконсервативного автора сравнение с тем, «как Меттерних, Александр I и другие консервативные монархи Европы смотрели на США в начале XIX в. Их страхи перед американскими революционными либеральными доктринами побуждали рассматривать Соединенные Штаты как "опасную нацию»"⁸². Отсюда, поясняет Кейган, и название книги.

Это дает ему повод выступить против критиков американской внешней политики, утверждающих, что американские действия на Среднем Востоке подстрекают Усаму Бен Ладена, и навязывающих населению мысль о том, что Соединенным Штатам сле-

---

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Robert Kagan: Interviewed about his New Book, which Claims Americans were never Isolationists. FrontpageMag.com (12-8-06) <http://FrontpageMag.com/Articles/Read Article.asp?ID-25904>

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Ibidem.

довало бы эти действия прекратить, чтобы не раздражать исламистов. Опровергая точку зрения этих критиков, Кейган делает такие важные для понимания его позиции выводы: "а) нам не следует пытаться остановить распространение наших принципов и нашего влияния; б) мы не смогли бы остановить это, даже если бы захотели, потому что идеологическая экспансия в нашей ДНК"⁸³.

Хотя в рассуждениях Кейгана отсутствует одиозное слово "империя", они вполне вписываются в концептуальный контекст "либерального империализма". В то самое время, когда имперская политика США в XXI в. вызывает большие сомнения, наталкивается на неприятие со стороны широких слоев населения и значительной части элиты, один из наиболее известных неоконсервативных идеологов и публицистов реализовал масштабную попытку связать политику такого рода с глубинной традицией американской истории. Она предстает не каким-то приступом имперской лихорадки, а органичным свойством американской внешней политики.

Не исключено, что привязка к традиции призвана также придать налет консервативности наступательной интервенционистской стратегии. Это тем более важно по той причине, что оппоненты неоконсерваторов из консервативного лагеря считают интервенционизм сущностно чуждым подлинному консерватизму. На этом основании наиболее ожесточенные противники неоконсерваторов даже отрицают их принадлежность к консервативному движению.

В книге Кейгана содержится еще одно не менее важное имперское "послание". Хотя автор "Опасной нации" не потерял надежды на победу в Ираке, от которой зависит ближайшее будущее "государственного строительства", однако ему и его коллегам все же приходится считаться с возможностью неудачи. Поэтому вероятный провал должен выглядеть не более чем эпизодом, способным отсрочить неизбежное, но не предотвратить его. Имперскость – это не выбор, это – судьба. В данном случае также явно вырисовывается идея о том, что именно те, кто разгадал исконную американскую традицию, имеют наибольшие основания быть ее носителями.

Если Кейган на сей раз ищет опору для обоснования политики имперского типа в прошлом Америки, то один из патриархов неоконсерватизма Н. Подгорец поглощен главным образом настоящим и будущим. Его книга "IV Мировая война. Долгая борьба против исламофашизма" отражает тот факт, что для неоконсерваторов имперская проблематика фактически свелась в войне с терроризмом. От ее исхода зависит и реализация масштабных замыслов, и, возможно, судьба самого неоконсерватизма.

Уже само заглавие книги настраивает на перспективу долгосрочного противоборства с врагом. Войну с исламским терроризмом Подгорец определяет как "четвертую мировую". Она, на его взгляд, может оказаться не короче длившейся 42 года "холодной войны", которую он считает "третьей мировой". Учитывая это, предостерегает он, надо быть готовым и к возможным неудачам, вроде поражения генерала Д. Маккартура на Филиппинах во время Второй мировой войны или патовой ситуации в Корее в период третьей мировой или "холодной войны".

Врага Подгорец определяет как "исламофашизм (исламский фашизм), или радикальный ислам (исламизм)"⁸⁴. Но, это, оговаривается он, не весь исламский мир: на долю этих экстремистов приходится от 10 до 15 % мусульманского населения. Тем не менее этот противник более опасен, чем его тоталитарные предшественники по Второй и третьей мировым войнам, "его труднее победить"⁸⁵. Президент Буш, считает Подгорец, не рискнул точно идентифицировать этого врага, чтобы не создавать впечатление, будто он объявляет войну всем мусульманам.

Подгорец ставит вопрос: "способны ли американцы нынешнего поколения нести бремя четвертой мировой подобно тому, как это делали их предшественники во Второй мировой, а затем снова в третьей"⁸⁶? Между тем задача современного поколения

---

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ Podhoretz N. World War IV. The Long Struggle against Islamofascism. New York, 2007, p. 9.

⁸⁵ Ibid., p. 13.

⁸⁶ Ibid., p. 199.

сложнее, тем более что приходится сталкиваться с пораженчеством, "от которого наша моральная воля страдает в гораздо большей степени, чем во время Второй мировой войны и даже в большей, чем в третьей"⁸⁷.

Все же Подгорец не теряет надежды на то, что конституционное правление или пусть не совсем чистая демократия могут избавить нас от глобальных щупальцев исламского терроризма. Вместе с тем он признает, что был среди тех, кто не сумел предвидеть, насколько жестокой будет оппозиция по отношению к демократизации и, следовательно, каким долгим может оказаться переходный период. И хотя перспективы на день завершения работы над книгой (11 сентября 2006 г.) кажутся автору довольно мрачными, он все же надеется, что американцы сумеют должным образом ответить на вызов нашего времени и доказать, что "достойны оставаться великой нацией". Правда, время для окончательного вердикта еще не настало⁸⁸.

Тяжелым ударом для неоконсерваторов явились результаты промежуточных выборов 2006 г. Президент Буш лишился большинства в обеих палатах Конгресса. Американские и зарубежные СМИ запестрели торжествующими некрологами по неоконсерватизму. Неоконсервативный публицист Дж. Муравчик перечисляет ряд изданий, похоронивших неоконсерваторов⁸⁹.

"Счастливы даже больше, чем демократы: европейцы с ликованием приветствуют избирательные новости" – это заглавие статьи Дж. Джедмина из "Уикли стандарт". Насколько образ Буша идентифицируется в Европе с неоконсерватизмом, свидетельствуют вопросы, которые задавал этому неоконсерватору сотрудник германского журнала "Штерн". Первый из них звучал так: "Означает ли победа демократов на промежуточных выборах, что избиратели отвергли неоконсервативную политику Буша"? Второй вопрос был продолжением первого: "Окончательно ли обанкротился неоконсерватизм в свете провалов американской политики"?⁹⁰

Действительно, позиции неоконсерватизма как носителя имперской идеи и имперской политики существенно подорваны. Однако похороны были бы, пожалуй, преждевременными. Наметились определенные позитивные для американцев подвижки в Ираке. Буш пошел на увеличение американского воинского контингента, за что изначально выступали неоконсервативные эксперты. Некоторые из них как, например Ф. Кейган и Э. Коэн, участвовали в разработке новой стратегии; в это дело был вовлечен и Американский предпринимательский институт.

Поворот в стратегии Буша, для которого нашлось кодовое словечко "прилив" позволил добиться сокращения террористических актов. В Ираке появились признаки взаимопонимания военных властей с представителями религиозных группировок, враждующих с американцами и между собой. Ослабевают позиции Аль Кайды в иракской среде. Все это связывают с деятельностью генерала Д. Петреуса, которого неоконсерваторы хотели бы видеть в качестве "человека 2007 года". Ф. Кейган и К. Кейган сравнивают его со знаменитым американским генералом Второй мировой войны Дж. Паттоном⁹¹. "У Америки есть шанс на историческую победу в Ираке, но только в том случае, если мы не выведем оттуда слишком много сил и слишком быстро"⁹², – пишет Бут. Самый решительный поборник имперской политики с удовлетворением констатирует, что американские военные многому научились; он хвалит их за освоение опыта контрпартизанских операций, а также за то, как глубоко они стали понимать иракское общество.

Неоконсерваторы возлагают большие надежды на эффект "прилива". «Теперь "прилив", – полагает Ф. Барнс, – стал мощной силой в американской политике. На жаргоне президентской гонки 2008 г. это фактор, меняющий характер игры»⁹³. Одна-

⁸⁷ Ibid., p. 203–204.

⁸⁸ Ibid., p. 212, 214, 217–218.

⁸⁹ Muravchik J. The Past, Present, and Future of Neoconservatism. – Commentary, October 2007.

⁹⁰ Gedmin J. Even Happier than the Democrats. – The Weekly Standard, 2006, November 20, v. 012, N 10.

⁹¹ Kagan F.W., Kagan K. The Putton of Counterinsurgency. – The Weekly Standard, 2008, March 10, v. 013, № 25.

⁹² Boot M. We Are Winning. We Haven't Won. – The Weekly Standard, 2008, February 4, v. 013, № 20.

⁹³ Barnes F. The Surge Effect. – The Weekly Standard, 2008, January 21, v. 013, № 18.

ко он работает не столько на превратившегося в "хромую утку" Буша, сколько на сенатора от Аризоны Дж. Маккейна.

Этого, казалось бы заведомого аутсайдера, достигшего в 2008 г. 72-летнего возраста, к тому же человека с печатью неудачника, проигравшего восемь лет назад борьбу за номинацию Дж. Бушу, на старте президентской кампании всерьез не принимали. Сенатор от Аризоны по сравнению с прочими участниками выделялся наиболее жесткой и последовательной позицией по войне в Ираке и с исламским терроризмом вообще.

Образцом для него являлся Р. Рейган. Еще в 1976 г. Маккейн говорил о себе: "Я гордый рейгановский консерватор"⁹⁴. Быть верными рейгановской традиции он призывал, в частности, обращаясь в сентябре 2007 г. к республиканскому конвенту Калифорнии. "Я уверен, – утверждал Маккейн, – что если мы проявим упорство, мы сможем победить на иракском поле боя и в большой войне против исламского экстремизма"⁹⁵.

Подобно неоконсерваторам, Маккейн изначально выступал за увеличение американского контингента в Ираке. По словам Ф. Барнса, Маккейн "предлагал "прилив" дополнительных американских войск и новую контрпартизанскую стратегию задолго до того, как президент Буш принял это"⁹⁶. Характерно, что в социальной и экономической областях позиция сенатора ближе скорее к либеральной, чем консервативной позиции. И хотя он утверждает, что придерживается "фундаментальной консервативной философии"⁹⁷, правый фланг консервативного лагеря относится к нему с подозрением.

Причина неожиданного победоносного блицкрига Маккейна в избирательной кампании очевидна. Ведущий сотрудник "Уикли стандарт" С. Хайес в статье, озаглавленной "Враги справа от него" отмечает: "Большинство рядовых консерваторов поддерживают Маккейна за его лидерство по Ираку и военным вопросам"⁹⁸.

В отличие от традиционалистов, палеоконсерваторов, разного рода "реалистов" у неоконсерваторов нет сомнений по поводу консервативной идентичности сенатора. Конечно, их суждения о Маккейне отличаются нюансировкой, но общая тональность весьма позитивна.

Особенно благожелательный подход демонстрирует неоконсервативный публицист, автор постоянной колонки в суперлиберальной "Нью-Йорк таймс" Д. Брукс, который еще в 2000 г. симпатизировал Маккейну. Брукс подчеркивает, что сенатор "прояснил свое видение будущего. Он говорит о борьбе с исламским экстремизмом как о трансцендентном внешнеполитическом вызове нашего времени"⁹⁹. Он готов дать ответ на него, а также на трансцендентный внутривнутриполитический вызов. У Маккейна, считает Брукс, есть перспектива стать лидером широкой правоцентристской коалиции, и предложить видение того, как объединить страну. На взгляд Брукса, Маккейн – "смесь Теодора Рузвельта и Рональда Рейгана"¹⁰⁰, т.е. двух наиболее почитаемых неоконсерваторами президентов.

Успех Маккейна в борьбе за номинацию от республиканской партии свидетельствует о том, что у имперского внешнеполитического курса сохраняется солидная база, которая не растворилась под напором антивоенных настроений. Ни с уходом Буша из Белого дома, ни с возможным уходом в тень неоконсервативных идеологов имперская тенденция не исчезнет из американской политики, поскольку она зиждется на реальной мощи Соединенных Штатов, их статусе супердержавы, широчайшем диапазоне их национальных интересов. Неоконсерваторы наиболее основательно и последовательно артикулировали эту тенденцию, подпитываемую войной против терроризма.

⁹⁴ Hayes S.F. McCain's Bumpy Ride. – The Weekly Standard, 2008, February 11, v. 013, № 21.

⁹⁵ McCain Addresses CA GOP: "Reagan stood tall". So Must We. – <http://www.johnmccain.com/action-center/print.aspx?r-A8A873E7-1D1D-4F66-A41C>

⁹⁶ Barnes F. Let's Grow Up, Conservatives. – The Weekly Standard, 2008, February 11, v. 013, № 21.

⁹⁷ Hayes S.F. Can't We All Just Get Along? – The Weekly Standard, 2008, February 18, v. 013, № 22.

⁹⁸ Hayes S.F. Enemies to the Right of Him. – The Weekly Standard, 2008, February 4, v. 013, № 20.

⁹⁹ Brooks D. The McCain Transition. – The New York Times, 1.II.2008.

¹⁰⁰ Ibidem.